

Н.А. Алексахенко, С.Ф. Кокшаров, В.М. Морозов

Низямы VIII – поселение бронзового века в Нижнем Приобье

Аннотация. Публикуются новые археологические материалы, полученные при раскопках поселения Низямы VIII. Памятник расположен в Нижнем Приобье в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (Север Западной Сибири). На поселении раскопаны остатки двух жилищ, с которыми связаны коллекция керамики и каменных орудий, включая отходы их производства. Бытовая посуда обнаруживает сходство с варпаульскими комплексами таежного Обь-Иртышья, но наличие фигурно-штампованных узоров и керамических штампов для их нанесения позволяет отнести поселение Низямы VIII к наиболее ранним памятникам лозьвинского типа в нижнеобском регионе. Локальные особенности исследованного памятника проявляются в отсутствии керамических грузил для сетей, типичных для лозьвинских комплексов реки Конды, а также в сохранении архаичной контрударной техники расщепления кварцевого сырья, которого довольно много в галечниковых отложениях. Датирующие вещи, встреченные в одних слоях с керамикой лозьвинского облика на Сузгуне Па (Нижний Иртыш) и Старом Катыше (Конда), представлены уменьшенными керамическими копиями кельтов с лобным ушком, копья с прорезными перьями, а также литейной формой для втульчатого долота. Перечисленная продукция получила распространение в постсейминский период бронзового века. Поселение Низямы VIII функционировало, по-видимому, в начале указанного периода.

Ключевые слова: север Западной Сибири, жилище, лозьвинский тип керамики, каменные орудия, металлопроизводство, постсейминское время.

N.A. Aleksashenko, S.F. Koksharov, V.M. Morozov

Nizyamy VIII – the settlement of the Bronze Age in the Lower Ob region

Abstract. The study deals with the archaeological objects of the settlement Nizyamy VIII of the Bronze Age. The site is located on the Lower Ob region in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra (the North of Western Siberia). In the settlement the remains of two dwellings were excavated as well as the collection of pottery and stone tools including their waste production. Household ware shows a similarity with the Varpaul complexes of the taiga Ob-Irtyshye, but the presence of figured-stamped patterns and ceramic stamps for their application can attribute the settlement Nizyamy VIII to the earliest monuments of the Lozva type in the Lower Ob region. Local features of the studied monument are detected in the absence of ceramic sinkers for net which are typical for the Lozva complexes of the river Konda, as well as in the preservation of archaic counterblow technique of splitting of quartz raw materials which are found in large amounts in gravel depositions. Dating things in some layers with ceramics of the Lozva type in Susgun Ia (Lower Irtysh) and in Old Katysh (Konda) are represented by small ceramic copies of the celts with the frontal eye, pikes with carved feathers as well as the mold form for a socketed celt. The products listed above received a distribution in post-Seima period of the Bronze Age. The settlement Nizyamy VIII functioned, apparently, at the beginning of the specified period.

Key words: the North of Western Siberia, dwelling, Lozva pottery type, stone tools, metal-working, post-Seima time.

Поселение Низямы VIII расположено в окрестностях д. Низямы в Октябрьском районе ХМАО – Югры Тюменской области (рис. 1 А–Б). Памятник занимает участок правого коренного берега Обь, на поверхности которого отмечались две впадины, возникшие на месте древних жилищ. В 1985–1986 гг.

оба объекта и межжилищное пространство изучались В.М. Морозовым, проводившим археологические изыскания на трассах магистральных газопроводов [1; 2]. Разновременные находки из низямского микрорайона эпизодически помещались на страницах научных и научно-популярных изданий [3, рис. 2,

45–46, 50; 4, рис. 4, 3, 38; 5, рис. 8, 4, 42; 6, 128, 144, фото 10, 20, 173, 175; 7, 19–26, рис. на с. 129–131; 8, 22, 34, табл. 108, 116–117; 9, 208–219 и др.].

Публикуемые материалы любопытны тем, что они связаны с остатками жилищ, обнаруживают хорошие параллели в комплексах бронзового века со смежных территорий Западной Сибири. Это обстоятельство позволяет обозначить совершенно определенный культурно-хронологический пласт в массиве древностей, включаемых в т.н. «гребенчато-ямочную общность». Предлагаемая работа существенно расширяет представления о нижнеобских древностях бронзового века, и, по нашему мнению, будет востребована специалистами.

Сооружения и находки

Материалы, происходящие с поселения, связаны с двумя сооружениями, отнесенными к числу жилищ по наличию в их котлованах наземных очагов-кострищ (рис. 1 В).

Расстояние между котлованами ~6 м, они выстроены длинными сторонами в линию ЗСЗ–ВЮВ.

Жилище 1 имело подпрямоугольный котлован размером $7,2 \times 6,4 \times 0,2$ м, ориентированный по линии СЗ–ЮВ. По периметру объекта отмечена канавка шириной 0,2–0,8 м, глубиной 0,2–0,3 м. В пределах котлована находились остатки двух кострищ, располагавшихся по его длинной оси. Одно из них каплевидной в плане формы размером $2 \times 1,8 \times 0,1$ м. Снаружи оно окружено канавкой. Другое кострище аморфной в плане формы размером $2,5 \times 1$ м, по южной и северной границам его очертаний отмечены неглубокие ямки.

Жилище 2 имело котлован подпрямоугольной формы размером $8,4 \times 5,2 \times 0,2$ м, вытянутый по линии ЗВ. По внутреннему периметру котлована фиксируется канавка шириной 0,1–0,5 м. Она прерывалась лишь в восточной части, где располагался выход. В центре помещения имелось обширное понижение, где обнаружены

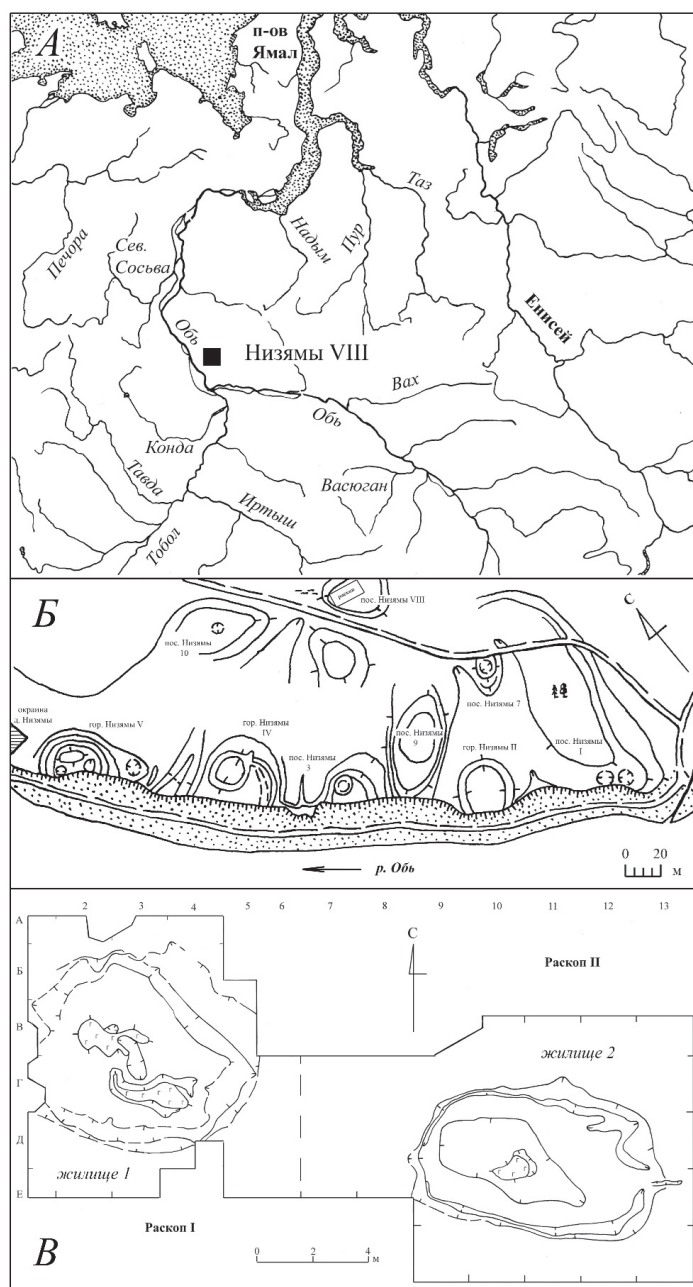

Рис. 1. Расположение пос. Низямы VIII на карте Западной Сибири (А); памятники археологии в окрестностях дер. Низямы (Б); очертания котлованов жилищ в раскопах 1985–1986 гг. (В).

остатки очага-кострища в виде пятна бурой супеси неправильной формы размером $1,3 \times 0,8 \times 0,1$ м. В его заполнении встречены угли, косточки и колотый кварц. С восточной стороны к очагу примыкала канавка и очажный выброс.

Вещевой материал концентрировался преимущественно в раскопанных жилищах и межжилищном пространстве. В первом сооружении он залегал по длинной оси котлована и в двух открытых очагах с прилегающими к ним ямами. Во второй постройке находки сосредоточены в пониженной части котлована и, в частности, в заполнении центрального очага, ограниченного с СВ небольшой ямой.

Коллекция находок представлена изделиями из керамики и камня. Керамические предметы включают развалы и фрагменты бытовой посуды лозьвинского типа, штампы-пинтадеры и фигурку животного¹⁰.

По венчикам выделено ~55 сосудов¹¹, 32 из которых включены в обработку. Это слабопрофилированные горшки (14) (рис. 2, 4, 7–8; 3, 1, 4, 6, 9, 11; 4, 2, 4, 8, 11, 13), низкие чаши (9) (рис. 2, 1; 3, 8; 4, 1, 5, 7, 16), закрытые банки (3) (рис. 2, 2, 5; 3, 3, 5; 4, 6, 9, 12) и фрагменты двух ладьевидных сосудов. У 22 экземпляров замерены диаметры устья, у 13 – высота. Самый большой сосуд – чашевидный,

его диаметр по венчику достигает 38 см (рис. 2, 4). В числе самых маленьких обращает на себя внимание ладьевидная емкость с параметрами устья $5,9 \times 4,2$ см (рис. 4, 3–3A). Среднее значение диаметра по венчику составляет 17 см. Венчики во многих случаях плоские, часто деформированы отпечатками штампов. Стенки сосудов хорошо заглажены и нередко залощены, их толщина 3–10 мм. В глине отмечен шамот в сочетании с песком и лимонитом.

Сосуды изготовлялись при помощи нешироких лент, реже жгутов [8, 34]. Ширина лент 2,5–3 см, при толщине стенок 5–7 мм. Ширина спая варьирует от 1 до 3 см. Днища

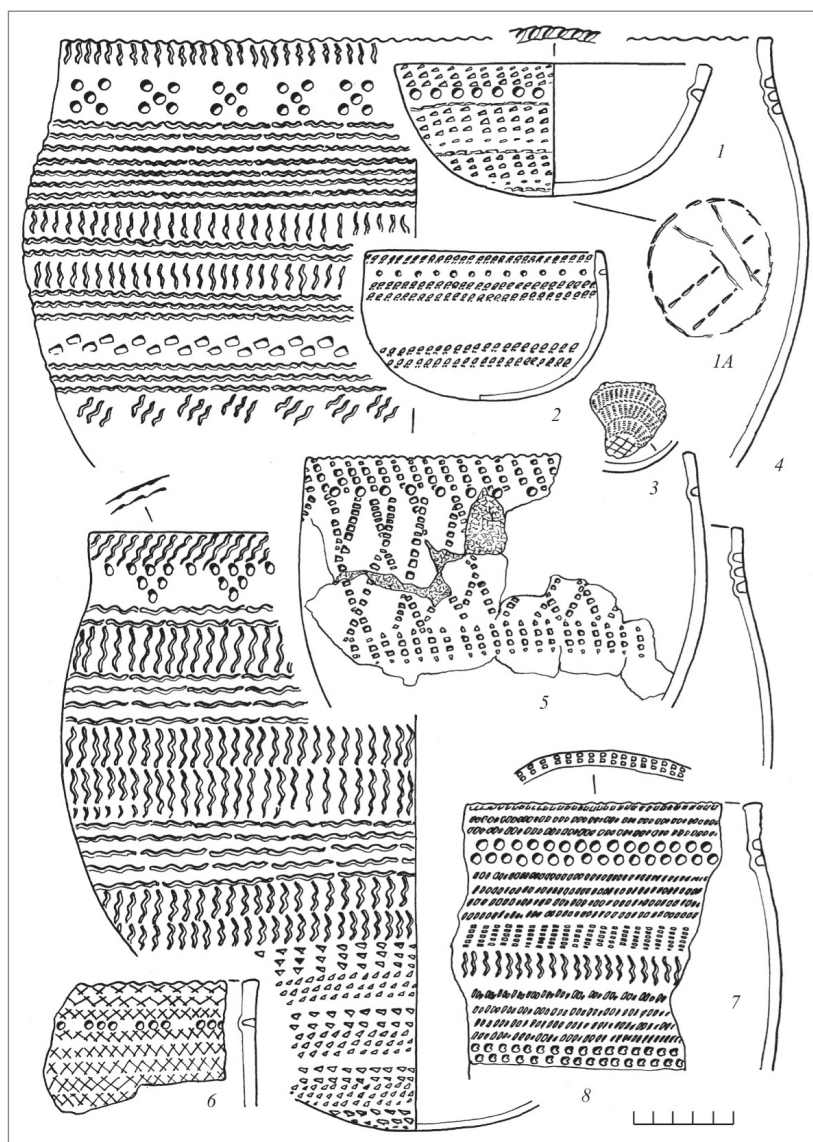

Рис. 2. Поселение Низямы VIII. Графические реконструкции сосудов.

¹⁰ Скульптура представляет собой стилизованное изображение млекопитающего, вероятно, северного оленя. Художественные особенности образа анализировались ранее [10, 77–81], поэтому в данной работе предмет не рассматривается.

¹¹ К сожалению, затруднено установление точного количества сосудов, найденных на поселении. Это обусловлено сохранностью черепков и замытостью рабочей поверхности орнаментов.

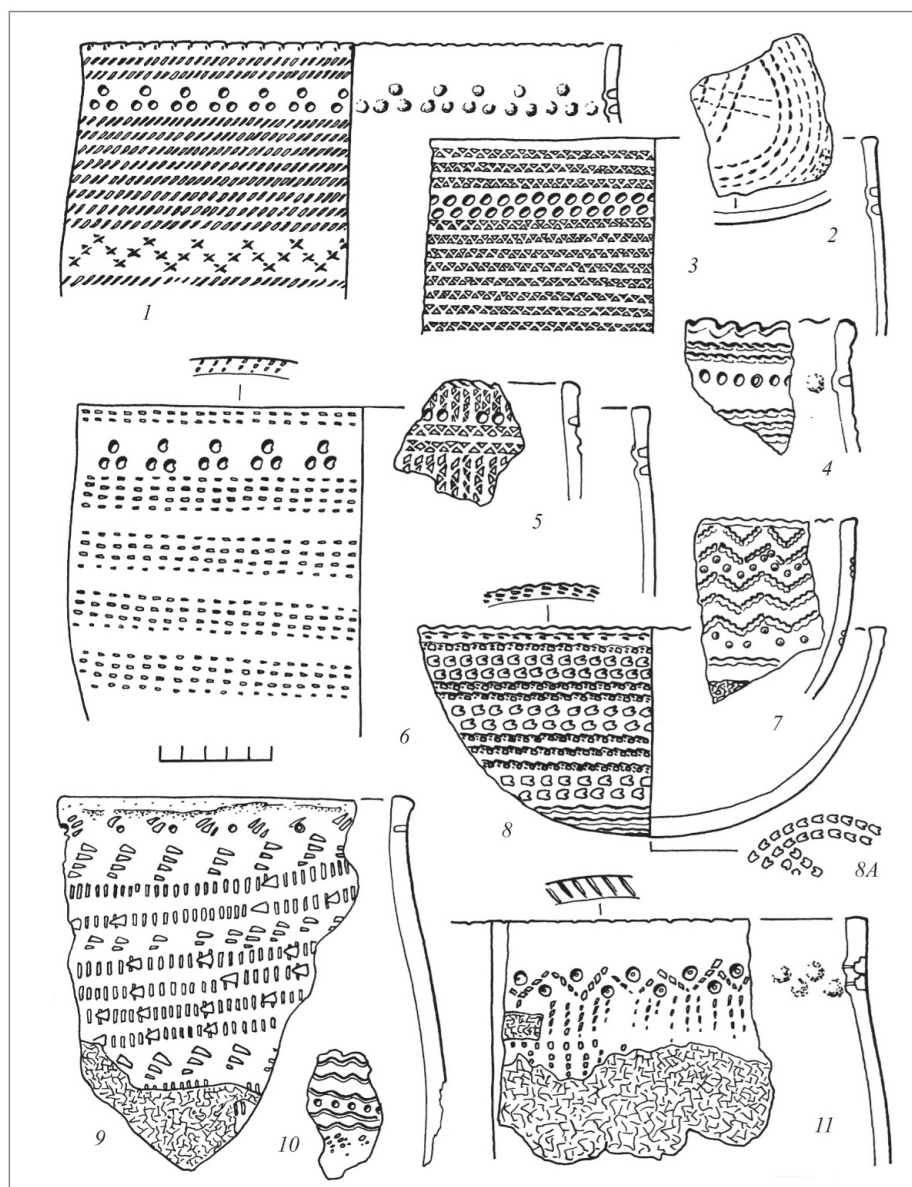

Рис. 3. Керамика поселения Низямы VIII.

сосудов плоские, редко округлые. Реконструирован один из способов крепления стенки сосудов к днищу: первая лента ставилась на дно у самого края, либо приставлялась ко дну, опоясывая его. При подмазке днища к стенке изнутри сосуда часть глины перемещалась со дна на стенку. Внутренняя поверхность обрабатывалась при помощи гребенчатого штампа (расстояние между зубцами у которого равняется примерно 1 мм) или щепы. Кроме того, фиксируется применение твердого плоского орудия, имевшего рабочую поверхность шириной 1,5–2 см, которое оставляло легкие поверхностные, иногда беспорядочные следы. Результаты технологических испытаний низямской керамики приведены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты
технологических испытаний керамики
(по И.Г. Глушкову и Т.М. Захожей [8, 167])

№ образца	плотность, г/см	пористость, %	водопоглощение
1	1,52	25,0	16,5
2	1,54	24,0	15,0
3	1,56	23,0	14,8
4	1,89	20,0	10,8
5	1,62	27,0	16,9
6	1,76	20,0	11,0
7	1,48	20,0	13,5
8	1,45	15,9	11,0

Орнамент выполнен глиняными штампами и концом круглой палочки. Среди первых преобладают гребенчатые – 34,1% и штампы с нечеткой рабочей поверхностью – 18,6% (рис. 2, 2; 3, 8; 4, 3, 16), фигурные штампы в виде змейки составляют 11,5% и ямки – 16%¹². Гребенчатые орнаменты различаются

нарезкой зубцов: она может быть обычной прямой (рис. 2, 1, 5, 8; 3, 6, 9; 4, 4–5, 10), косой (рис. 2, 8; 3, 1, 11; 4, 14), ромбической и даже в виде взаимопроникающих треугольников (рис. 3, 3, 5; 4, 4).

Декор покрывает сплошь все боковые стенки сосудов, отмечен с внутренней стороны

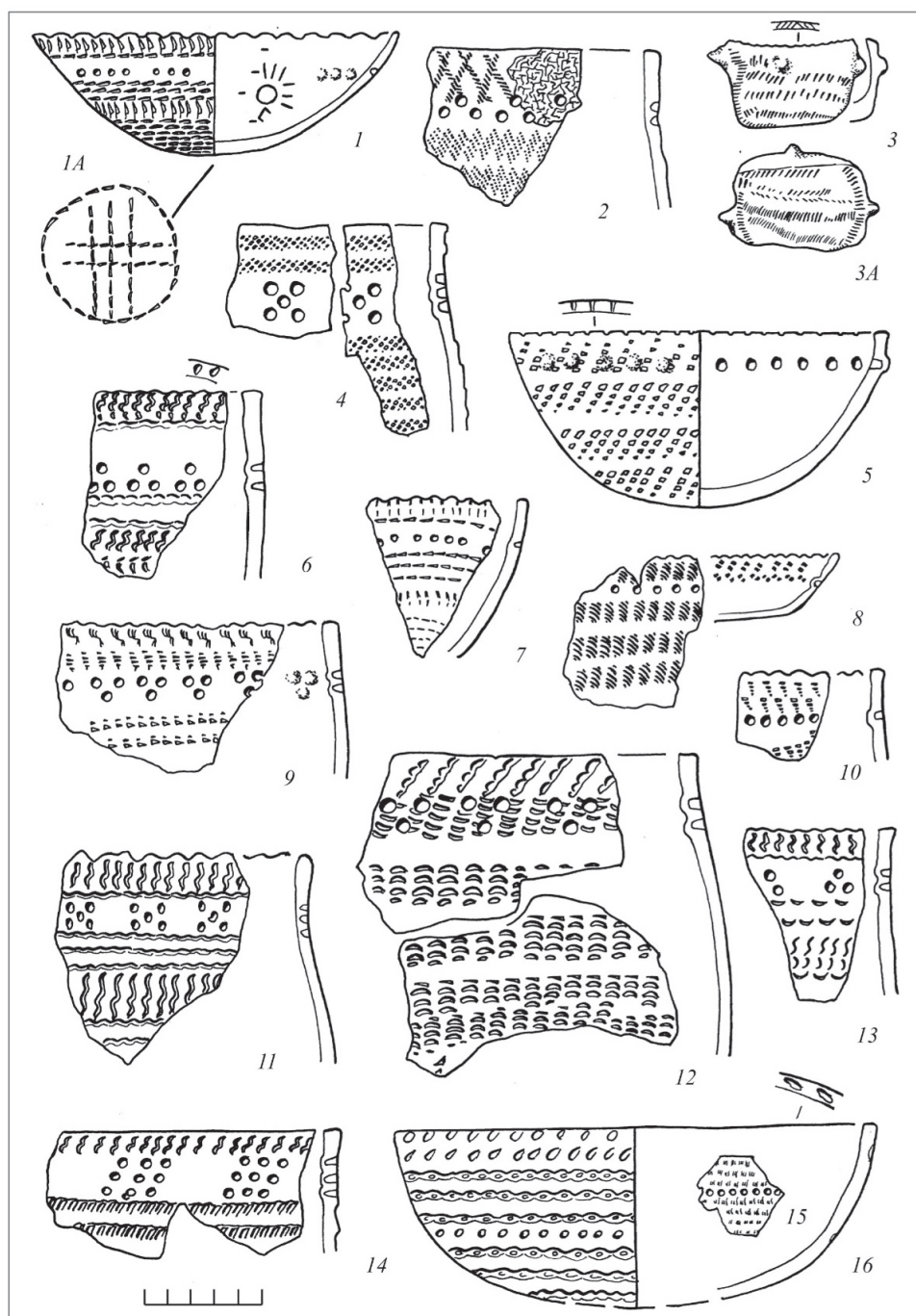

Рис. 4. Керамическая посуда пос. Низямы VIII.

¹² Иные данные фигурируют в работе И.Г. Глушкова и Т.М. Захожей, указывающих, что наиболее часто встречаются оттиски змеяковидного штампа (10,2%), рельефная волна (12,5%), волна, образованная горизонтальной постановкой змеяковидного штампа (10,2%), ряды ямочных вдавлений (10,2%), рельефная сетка (5,7%), рельефный крест (5,7%) и т.д. [8, 22, табл. 116–117].

стенки на венчиках и на дне. В композициях выделяется зона под венчиком, ниже которой следует пояс из ямок, а также узоры на днищах. Орнамент на тулове не структурирован, монотонен и воспринимается как одно большое поле.

Зона под венчиком занята рядами наклонных и вертикальных отпечатков штампов или поясками из 1–3 горизонтальных линий. В одном случае отмечены чередующиеся наклонные колонки. Здесь наблюдаются исключительно вариabельные узоры из ямок. Они образуют пояса (рис. 2, 1–2, 5; 3, 4, 9; 4, 8), зигзаги (рис. 3, 7), розетки (рис. 2, 4, 6, 8; 3, 1, 5–6; 4, 1, 4, 6–7, 9, 11–14) и, единично, «жемчужины» (рис. 4, 5). На тулове доминируют монотонные мотивы, однообразие которых скрашено ритмично чередующимися поясками из отпечатков гребенчатых и иных штампов. Здесь почти не встречаются геометрические фигуры и пояски ямок, а вертикальное зонирование отмечено единично (рис. 2, 5). На днищах размещены крестовидные розетки и параллельные линии (рис. 2, 1А; 3, 2, 8А; 4, 1А, 3А).

Керамические *штампы* – *пинтадеры* представлены пластинами в виде дисков (рис. 5, 10) или эллипсов (рис. 5, 11).

Часть предметов снабжена отверстием для подвешивания. Орудия служили для нанесения узоров в виде одно- и двухрядовых зигзагов (змеек) и ромбической сетки. Эта категория находок, обнаруженная на памятниках от Нижнего Приобья до Урала, и сопутствует керамике сотниковского, лозьвинского и вагильского типов [11, рис. 18, 4; 12, 256–257, 263, табл. 1, 6–7, 11, 13; 13, 99, рис. 5, 26–27; 14,

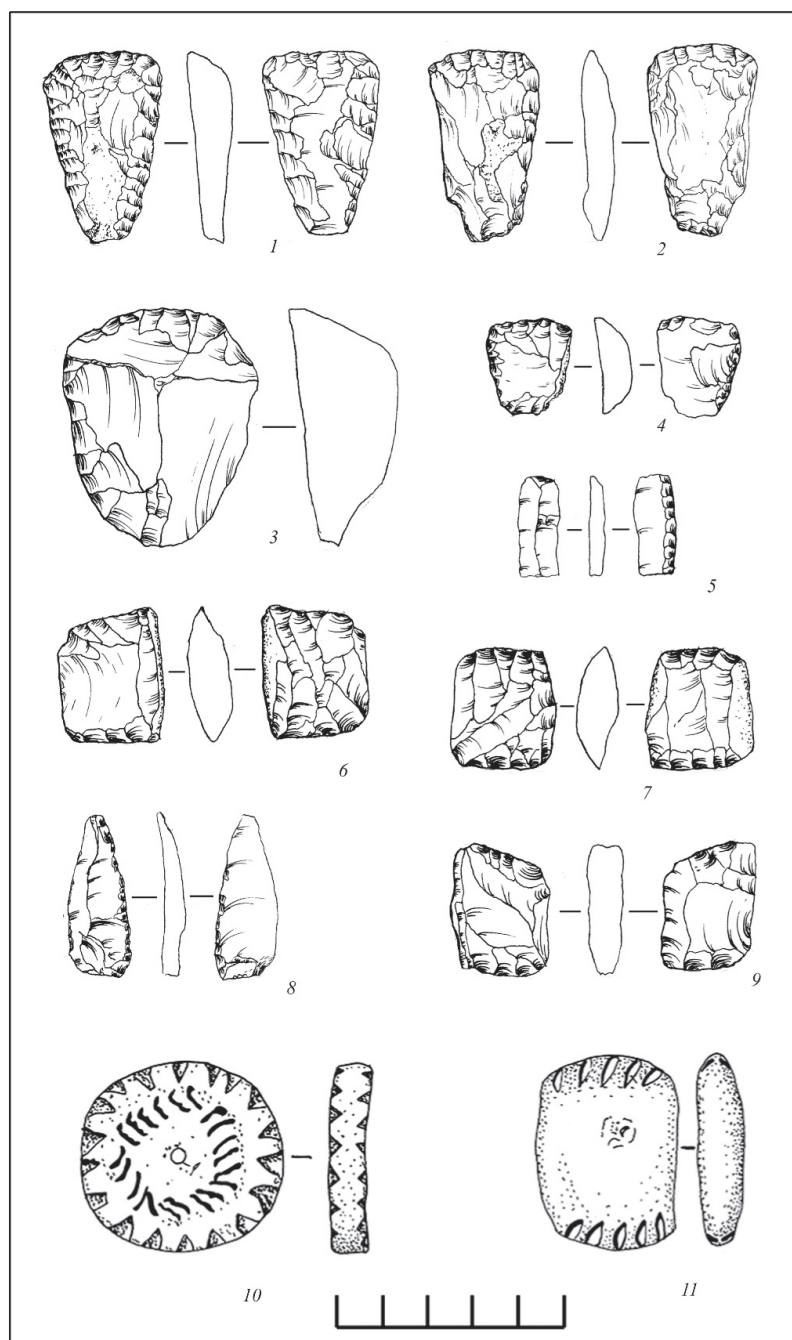

Рис. 5. Поселение Низямы VIII. Изделия из камня (1-9) и керамики (10-11).

рис. 1, 7, 15, 21–24]. Такие штампы не известны по поселениях синхронных культур Сургутского Приобья и юга региона, поэтому они рассматриваются как исключительно зауральское явление [15, 21].

Каменный инвентарь, собранный в раскопах, может быть соотнесен с каждым из жилищ и представлен в таблице 2.

Распределение и состав каменного инвентаря

типология каменного инвентаря			№ п.п.	распределение находок по жилищам и раскопам (кол. / %)		
				жилище 1 (раскоп I)	жилище 2 (раскоп II)	суммарно
заготовки и отходы	целые гальки и плитки		1			
	расколотые гальки и плитки		2	23 / 16,3%	9 / 3,7%	32 / 8,3%
	сколы со шлифованных орудий		3			
	нуклеусы и их производные	нуклеусы и пренуклеусы	4	2 / 1,4%	11 / 4,6%	13 / 3,5%
		продольный скол	5	1 / 0,7%		1 / 0,3%
		поперечный скол	6			
		пластинчатый скол	7			
		осколки (аморфн.)	8	2 / 1,4%		2 / 0,5%
орудия	пластины и изделия из них	без ретуши	9			
		с ретушью	10	1 / 0,7%		1 / 0,3%
		пластинчатые отщепы	11		2 / 0,8%	2 / 0,5%
		неправ. ограничения	12	7 / 4,9%	4 / 1,7%	11 / 2,9%
	отщепы и изделия из них	без ретуши	13	65 / 45,8%	189 / 78,1%	254 / 66,1%
		с ретушью	14	4 / 2,8%	1 / 0,4%	5 / 1,3%
		скребки	15	1 / 0,7%	4 / 1,7%	5 / 1,3%
		долотовидные орудия	16	2 / 1,4%	2 / 0,8%	4 / 1,0%
		острия	17		2 / 0,8%	2 / 0,5%
		скобели	18	1 / 0,7%	4 / 1,7%	5 / 1,3%
		ножи	19			
		обломки 2-хсторонне обор. орудий	20	2 / 1,4%		2 / 0,5%
		изделия из галек и плиток	наковальни	21	2 / 1,4%	
	отбойники		22	3 / 2,1%	1 / 0,4%	4 / 1,0%
	отбойники-наковальни		23			
	2-х сторонне обработанные изделия		24			
	наконечники стрел		25			
	абразивы		26	10 / 7,1%	7 / 2,9%	17 / 4,5%
	ножи		27			
	топоры, тесла		28	4 / 2,8%	2 / 0,8%	6 / 1,6%
	пилы		29	4 / 2,8%		4 / 1,0%
	подпятники		30			
	грузила, крючки		31	2 / 1,4%	2 / 0,8%	4 / 1,0%
	камень со следами пиления		32			
	подвески		33			
	долотовидные орудия		34	1 / 0,7%	1 / 0,4%	2 / 0,5%
	сколы со шлиф. оруд.		35	5 / 3,5%	1 / 0,4%	6 / 1,6%
ИТОГО				142 / 100%	242 / 100%	384 / 100%

В раскопе I (142 ед.) предметы из кварца составляют почти 50%. Из других пород отмечены кремнь, сланцы, змеевик, песчаник и лимонит. Коллекцию можно разделить на два отдела: отходы, заготовки и орудия, которые включают 100 и 42 ед., соответственно.

Первый отдел представлен крупными и средними отщепами, составляющими более половины находок (65), расколотыми гальками и кусками камня (23), пластинами неправильного ограничения (7), нуклевидными кусками (2) и сколами с нуклеусов (3).

Во втором отделе выделяются орудия на отщепе (скребок, скобель, долотовидные орудия, отщепы со следами утилизации), на гальках, плитках и кусках камня (долотовидные орудия, шлифовальные плиты, наковальни, отбойники, грузила рыболовных крючков) и лишь одно орудие на пластине.

Скребок (рис. 5, 2) на подтреугольном отщепе черного кремня. Один край оформлен крутой скребковой ретушью со спинки, а второй – встречной плоской ретушью.

Долотовидные орудия (6 экз.) включают изделия типа *pieces ecaillees* и шлифованные предметы. Первые (рис. 5, 9) выполнены из кварца (2) и кремня (1), имеют подтреугольную или подквадратную форму. Они снабжены одним лезвием, подработанным встречной плоской ретушью или подтеской. У одного из них тем же способом обработана одна боковая сторона. Размеры варьируют от 23 × 19 до 49 × 36 мм.

Шлифованные орудия на плитках змеевика включают три экземпляра: два в обломках и один целый. Обломки представлены обушковыми частями рубящих (?) орудий. Одно имело подчетырехугольное, другое подшестиугольное сечение со скругленными кромками, изготовлены путем распиловки и последующей шлифовки. Целое орудие (топор) имеет подчетырехугольную форму (рис. 6, 2), в сечении – шестигранное, лезвие прямое. В профиле предмет симметричный размером 7 × 35 × 19 мм. К этой группе отнесена заготовка долотовидного орудия из серо-зеленой сланцевой породы, обработанная грубыми сколами. Она имеет подпрямоугольную форму, ее длина 140 мм.

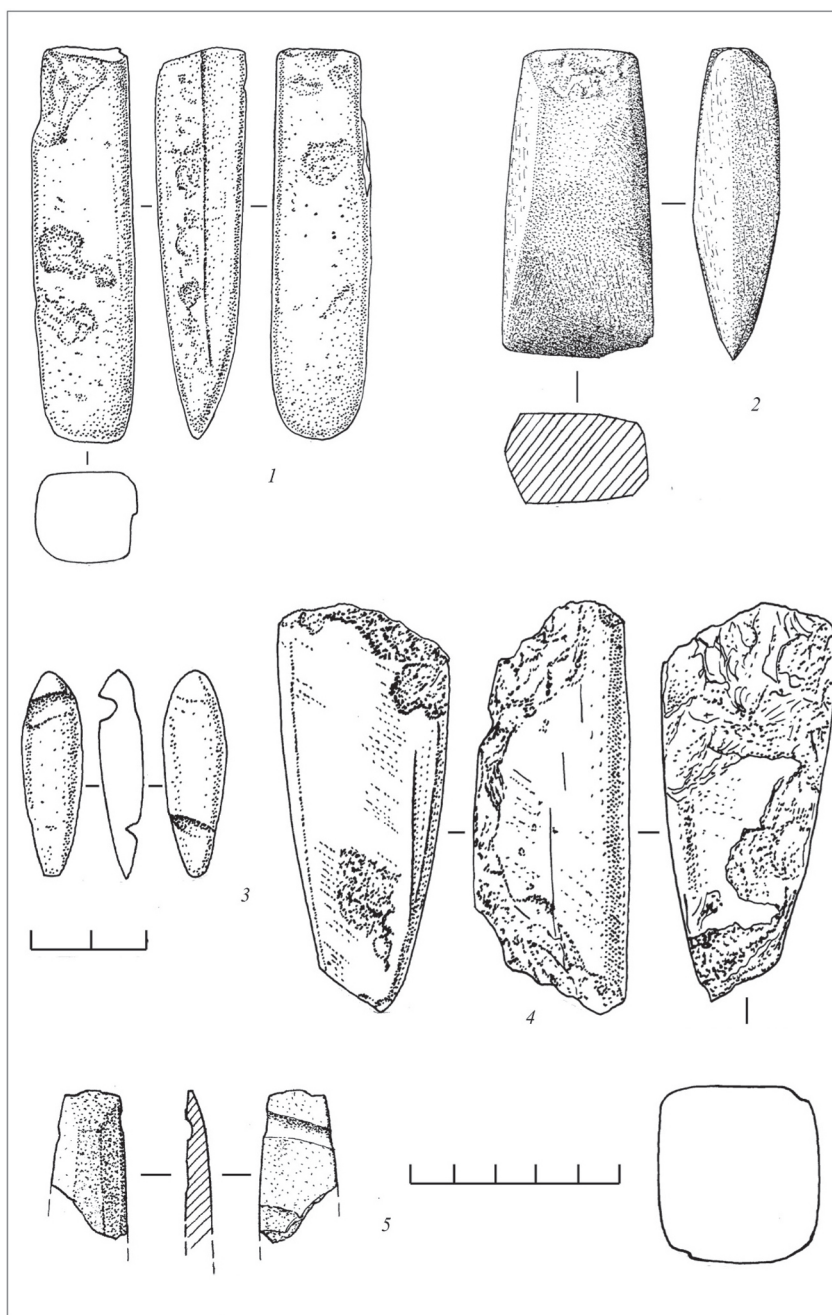

Рис. 6. Поселение Низямы VIII. Долотовидные орудия (1-2, 4) и шлифованные бруски (3, 5).

Шлифовальные плиты представлены в обломках.

Пилы (4 экз.) выполнены из плиток гранита (?), имеют подчетыреугольную или треугольную форму и обработаны оббивкой края. У самого крупного предмета оббивкой подработаны два края. Кроме того, на одной из плоскостей видны следы пришлифовки. Размеры орудий $104 \times 52 \times 13$ мм и $220 \times 120 \times 18$ мм.

Пластина с ретушью (рис. 5, 5) выполнена из халцедона. Один ее край обработан приостряющей ретушью, нанесенной с брющка.

В раскопе II (242 ед.) кварцевые предметы составляют 80,6% от общего количества каменного инвентаря. Коллекция разделена на два отдела: отходы, заготовки и орудия. Первый отдел включает средние и крупные отщепы (189), расколотые гальки и куски камня (9), нуклеус и нуклевидные куски (11), пластины неправильного огранения (4). Второй отдел – это изделия на отщепах (скребки, скобели, острия, часть долотовидных орудий), плитках и кусках камня (оселки, шлифовальные плитки, долотовидные орудия и др.).

На отщепах выполнены скребки, скобели, острия, часть долотовидных орудий типа *pieces ecaillees*.

Из *скребков* три кварцевых (рис. 5, 3) и один из серого кремня (рис. 5, 1). Три предмета имеют выраженную подтреугольную форму, один – подчетыреугольную. Кремневое изделие имеет округлое лезвие, обработанное крутой ретушью со спинки и плоской подтеской с брющка, по бокам расположена встречная плоская ретушь. Длина скребка 40 мм, ширина лезвия 2,5 мм и толщина до 8 мм. Другие орудия отличаются от него массивностью.

Долотовидные орудия (рис. 5, 6–7) изготовлены на отщепах и плитках. Первые представлены изделиями типа *pieces ecaillees* из кварца. Все имеют подпрямоугольную форму и обработанное подтеской основание. Размеры не превышают $27 \times 23 \times 8$ мм. Вторые включают два шлифованных предмета, один из которых имеет сколотые обушок и лезвие. Целый предмет – тесло изготовлен из антофиллита, имеет подпрямоугольную форму и округлое лезвие (рис. 6, 1). В поперечном сечении ору-

дие подквадратное со скругленными кромками. Несмотря на шлифовку, на одной из боковых граней заметен распил. Размеры орудия $125 \times 33 \times 3$ мм. Другой предмет (рис. 6, 5) был изготовлен из серо-зеленой сланцевой породы, имел подпрямоугольную в плане форму, в продольном профиле – клиновидный. На боковой грани отмечены следы пиления. После выхода из употребления обломок использовался в качестве отбойника.

Грузила (2 экз.). Одно из них представляет предмет каплевидной формы с двумя пазами, пропиленными на противоположных сторонах (рис. 6, 3) и расположенных под углом к длинной оси изделия. На обратных по отношению к пазам сторонах есть неглубокие выточки. В одном пропиле, расположенном в узкой части предмета, застыл кусочек черного смолистого вещества. Изделие можно рассматривать в качестве утяжелителя к составным рыболовным крючкам. Другое грузило являлось утяжелителем для рыболовной сети. Это галька с характерными выемками на противоположных боковых кромках.

Обсуждение материалов

Из-за облика керамической посуды и наличия штампов-пинтадеров поселение Ниямы VIII включалось в круг памятников лозьвинского типа позднего бронзового века [3, рис. 2, 50; 16, 12–13; 17, 180; 18, 313; 8, 22, 34]. Несмотря на открытие лозьвинских комплексов в 60-х гг. XX в. [12, с. 257], до сих пор отсутствуют исчерпывающие публикации раскопанных объектов и, прежде всего, коллекций находок [17, 177–178]. Однако это обстоятельство не смущает исследователей, активно оперирующих дефиницией «лозьвинская культура» [19, 57; 20, 139; 21, 109, 118; 22, 103; 23, 145; 24, 74–76; 8, 36, 38; 14, 164–167; 25, 59; 26, 82; 27, 164]. Перед нами тот случай, когда открывается новая археологическая культура, не обеспеченная надлежащими источниками [28, 89]. Действительно, к настоящему времени частично опубликованы материалы поселений Талья и Ахтымья I (бассейн Конды) [29, 29–33; 8, рис. 58–59¹³; 30].

¹³ Графические реконструкции лозьвинской керамики поселения Талья, включенные в монографию И.Г. Глушкова и Т.М. Захожей, выполнены Л.Н. Сладковой, проводившей раскопки памятника.

Источниковая база позволяет лишь наметить локальные варианты и внутреннюю хронологию лозьвинских древностей [25, 59].

Низямская коллекция демонстрирует локальную специфику нижнеобских памятников. Она проявляется в отсутствии керамических грузил для сетей с одним-двумя перехватами, которые характерны для лозьвинских поселений р. Конды и памятников андроновского/постандроновского времени юга Западной Сибири. Они заменялись, по-видимому, каменными утяжелителями и, что примечательно, данная традиция просуществовала в Нижнем Приобье на протяжении энеолита и бронзового века [5, 12]. К местной специфике следует отнести активное использование нижнеобским населением кварцевого сырья и сохранение архаичной техники контрударного расщепления, применявшейся на севере региона в предшествующее время [5, 12, 16, 21]. По причине аморфности данная категория находок не может быть привлечена для выяснения времени функционирования раскопанного поселения.

Определение возраста публикуемого комплекса затрудняет отсутствие датирующих вещей, поэтому следует обратиться к другим археологическим объектам, содержащим лозьвинскую керамику и соответствующие хрономаркеры. Речь идет о памятнике Сузгун Па и поселении Старый Катыш, расположенных в таежном Прииртышье.

Из слоя Сузгуна Па происходят уменьшенные керамические копии (т.н. вотивные изделия) бронзовых изделий: два кельта с лобным ушком и наконечник копья с прорезными перьями [31].

По заключению Е.Н. Черных, кельты с лобным ушком и копья с прорезами в перьях изготавливались самостоятельно или под внешними воздействиями в пределах приказанского металлургического очага, превратившегося в предананьинское время в едва ли не самый мощный в Приуралье [32, 116]. Б.Г. Тихонов датирует ранние типы кельтов с лобным ушком и наконечники с прорезным пером рубежом II–I тыс. до н.э. [33, 36, 40]. А.Х. Халиков конкретизирует эту датировку, соотнося названные изделия с атабаевским и маклашевским этапами приказанской культуры или XII–IX вв. до н.э. [34, 140, 143]. Е.Н. Черных, напротив, омолаживает находки, предлагая отодвинуть верхнюю границу их бытования

к VIII–VII вв. до н.э. [32, 102–103]. Кельты с лобным ушком, встреченные в ананьинских комплексах, отличаются от позднебронзовых небрежностью изготовления и воспринимаются как анахронизм [35, 112; 36, 63–64]. Следует заметить, что широкие датировки упомянутых вещей согласуются с выводами о времени существования сузгунской культуры [37, 162].

С лозьвинской керамикой может быть связана также литейная форма с сердечником для изготовления втульчатого долота, обнаруженная на поселении Старый Катыш на р. Конда [38]. Полные аналоги отливке нам не известны, хотя они представляют достаточно многочисленную и разнообразную категорию металлического инвентаря эпохи бронзы. В нее входят различные в морфологическом отношении предметы: долота с желобчатым и прямым лезвием, с уступом при переходе от втулки к лезвию и без такового, с валиком по краю втулки и без валика, орудия копьевидной формы.

Изготовление втульчатых долот, правда, с желобчатым лезвием велось еще в сейминское время, что документировано материалами погребения 21 могильника Ростовка [39, 30–31, рис. 38]. Вместе с тем, Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых отмечают, что сами втульчатые долота не встречены в СТ некрополях, но характерны для объектов более позднего времени [40, 129–130, рис. 23, 3–5]. Речь идет об археологических памятниках третьего этапа бронзового века Европейской, Центральноазиатской и поздней фазы Евразийской металлургической провинции (ЕАМП), включавших такие металлургические и металлообрабатывающие очаги как ингуло-красномаяцкий, заводово-лобойковский, кардашинский, приказанский [41, 75–77; рис. 11, 7, 20, 32, 44], казахстанский [42, 204] или сары-аркинский [43, 54], алтайский, семиреченский [43, 55–56], саргаринско-алексеевский [44, 130, рис. 5, 1, 5, 6] и другие.

Прежде Е.Н. Черных определял данный период как предананьинский [32, 93–94, 103, табл. Г] или постсейминский [45, 95], ограничивая его XIII (XII) – XI/X (IX) вв. до н.э., допуская удревнение нижнего рубежа до XV–XIV вв. до н.э. [45]. Кроме того, было предложено связать обозначенный хронологический горизонт с существованием т.н. общности культур валиковой керамики (ОКВК), занимавшей обширную территорию от Алтая на востоке до северо-востока Балкан, Нижнего

Дуная и Восточных Карпат на западе; от восточно-европейской и западносибирской лесостепи на севере вплоть до Крыма и низовьев Дона, среднеазиатских пустынь и предгорий, Северного Афганистана и, видимо, северо-восточного Ирана [45, 82, 95, рис. 1]. Е.Н. Черных неоднократно возвращался к проблеме формирования ОКВК и позднее, когда выяснял причины возникновения «моды» на изготовление валиковой керамики в степном коридоре Евразии, начиная отсчет третьей заключительной стадии ЕАМП с XIV–XIII вв. до н.э. [46, 259–261; 47, 395–396].

Группы населения, оставившие памятники ОКВК, поддерживали прямые и опосредованные связи с соседями. Особенно отчетливо это проявляется в распространении металла и ведущих типов металлического инвентаря. Примечательно, что на третьем периоде в азиатской зоне ЕАМП отмечается падение металлопроизводства в степи и его плавное нарастание в лесостепи и лесной зоне [48, 37]. В этом ракурсе следует подходить, вероятно, и к появлению литейной формы долота на Старом Катыше, являющейся на сегодняшний день самой северной находкой подобного рода. Однако, вряд ли, население ОКВК и рыболовы/охотники Кондинской низменности контактировали непосредственно. Ретрансляторами новаций степных народов и стереотипов производимой ими металлопродукции могли быть носители андроновидных сузгунской и бархатовской культур, памятники которых расположены в подтаежной зоне Тоболо-Иртышья [22, 129–132; 49, 356; 50, 19–20, 30–31]. При этом ареал, занимаемый сузгунскими древностями, лежит к северу от бархатовского. Сузгунские объекты отнесены к XII/XI–VIII вв. до н.э. [22, 133], а бархатовские датируются XI/X–VIII/VII вв. до н.э. [51, 87] или последней четвертью II–началом I тыс. до н.э. [49, 354–357, рис. 126]. На синхронность обеих культур могут указывать материалы Кучум-Горы и Чупинского селища [49, 355].

Таким образом, находки Сузгуна IIа и Старого Катыша отражают основные морфологические особенности металлических орудий постсейминского периода и свидетельствуют о вовлечении части таежного населения в систему евразийских связей, которые оформились на заключительном этапе бронзового века [38, 43–45]. Дополнительное тому подтверждение

– появление синкретичных сузгунско-лозьвинских [52, 28] или лучкинских, по И.Г. Глушкову [53, 101], комплексов на территории Тобольского Прииртышья. Для нас важна принадлежность лозьвинских памятников к постсейминскому периоду, хотя он оказывается очень широким и охватывает последнюю треть II тыс. до н.э. и начало I тыс. до н.э.

Поселение Низямы VIII функционировало непродолжительный отрезок обозначенного временного интервала. Для уточнения его возраста следует еще раз обратиться к декоративно-морфологическим особенностям керамической посуды, происходящей с памятника. При этом необходимо учитывать тенденцию в развитии керамики с гребенчато-ямочной орнаментацией в Западной Сибири. Известно, что в постсейминское время снижается количество гребенчатых узоров при одновременном увеличении фигурно-штампованных – в виде змейки и креста [12; 54, 108–109, рис. 3; 55, 117, 119, рис. 2; 56, 64; 37, рис. 58, 4, 7, 8, 18; 57, 59–60]. Наличие в коллекциях сосудов, украшенных гребенчатыми и фигурными штампами, позволяет дифференцировать раннюю и позднюю лозьвинскую керамику, а также связанные с ней комплексы вещей.

В качестве переходных форм от керамики сейминского времени (варпаульской) к постсейминской (лозьвинской) следует рассматривать комплексы сотниковского типа, открытые В.Д. Викторовой на р. Тавда. Для декора последних характерны орнаменты, выполненные прокатанными гребенчатыми орнаментами, что может свидетельствовать о преимуществах сотниковской и лозьвинской керамики [12, 257–258, табл. 1, 6]. Трансформация печатно-гребенчатой орнаментации в фигурно-штампованную, прослеженная на тавдинских памятниках, подтверждается находками с р. Конды [3, 98] и материалами публикуемого поселения.

Действительно, в Низямах VIII имеются горшки, прямоугольные емкости, чашки, украшенные гребенчатым линейным орнаментом, которые схожи с варпаульскими коллекциями сейминского времени (могильники Сатыга XVI и Товкуртлор 3, поселение Ленино I и культовый комплекс, Сайгатино VI) и сотниковской посудой с рр. Тавды и Конды (рис. 2, 1–2; 3, 8–9; 4, 3, 5, 8, 16). С другой стороны, низямская керамика сближается с лозьвинской

зауральской, барсовской Сургутского Приобья и ранней атлымской Нижней Оби по фигурным отпечаткам в виде змейки и прямого креста (рис. 2, 4, 7–8; 3, 1, 4, 7, 10; 4, 6, 11–14). В число коллекций переходного облика – от варпаульских к сотниковским – можно включить часть материалов многослойного памятника Неушья 1.2 на р. Конде [58, 249, рис. 11].

Сходство слабопрофилированных низямских горшков и прямоугольных емкостей с варпаульскими по монотонному гребенчатому декору и отсутствию меандровых узоров позволяет относить публикуемые материалы к наиболее ранним лозьвинским памятникам. Примечательно, что керамика с отчетливыми варпаульскими чертами (слабопрофилированные плоскодонные горшки с литейными гребенчатыми мотивами) происходит с поселения Барцевка IV, одного из ранних памятников барсовской культуры [59, рис. 1, 3; 3, 1–2, 5–6, 80]. Этот факт еще раз свидетельствует о сходных механизмах трансформации гребенчато-ямочной керамики в таежном Приобье в конце бронзового века.

Изложенные наблюдения дают основания для частичной синхронизации сотниковских и ранних лозьвинских керамических комплексов, включая Низямы VIII, и отнесения их к началу постсейминского периода. В абсолютных значениях речь может идти о начале последней трети (четверти) II тыс. до н.э.

Для выяснения возраста поздних лозьвинских памятников необходимо учитывать оригинальный комплекс сынского типа с нижеобского поселения Лов-Санг-Хум III, обладающий признаками лозьвинской, барсовской и ранней атлымской керамики [27, 163]. Для этого синкретичного, на первый взгляд, комплекса получены две ^{14}C даты по углю от сгоревших конструкций: 2720 ± 80 лет (Le-8263), или 1120–760 гг. до н.э. и 2850 ± 35 лет (Le-8264), или 1130–910 гг. до н.э. Их калиброванные значения составляют соотв.: 970–800 (68,2%) ВС, 1120–760 (95,4%) ВС и 1060–930 (68,2%) ВС, 1130–910 (95,4%) ВС. По мнению С.И. Рудковского, вторая из дат хорошо соотносится с имеющимся образцом для раннеатлымской керамики [27, 164; 60, 135; 61, 93–94]. Безусловно близки, но не идентичны сынским находкам материалы хэяхинского облика, открытые Л.П. Лашуком и Л.П. Хлобыстиным

на территории Заполярья [62]. К сожалению, древности типа хэяха лишь продекларированы и не получили детальной характеристики (не известно точное количество поселений, ни занимаемая ими территория). Схожая ситуация налицо и с коршаковскими комплексами приуральских тундр и некоторых районов Ямала [63, 21–22; 64, 20–21].

К поздним памятникам лозьвинского типа следует отнести также поселения Талья и Ахтымья 1. Об этом свидетельствуют крестовые отпечатки на стенках сосудов, пышные меандровые узоры, а также атлымский горшок второго типа, найденный на поселении Талья [16, 18; 5, 21]. Заметим, что подобная керамика появляется на втором этапе атлымской культуры, ограниченном рубежом II–I тыс. до н.э. – первой четвертью I тыс. до н.э. [65, 58–59; 25, 58–59; 66, 266 и др.].

Заключение

Публикуемые материалы лишь отчасти восполняют лакуну, возникшую в изучении позднебронзовых древностей севера Западной Сибири, демонстрируя локальную специфику лозьвинских памятников Нижней Оби на фоне синхронных культур и поселений. Они показывают, что наряду с традициями, сохранявшимися в домостроительстве, гончарстве и камнеобработке, нижеобское население воспринимало новации постсейминского периода бронзового века. Это касается лепки горшков, украшенных фигурными штампами, и использования специфических керамических штампов, оставлявших прокатанные узоры. Известно, что схожие орнаменты применялись в эпоху бронзы населением Восточной Европы и в Средней Азии [67, 297; 68, 132–150].

Новые материалы позволяют лучше понять трансформацию таежной западносибирской общности культур гребенчато-ямочной керамики, которая до сих пор воспринимается некоторыми археологами в качестве аморфного и однородного массива на фоне южных культур Западной Сибири [69]. Нерешенной и весьма актуальной задачей остается выяснение соотношения нижеобских лозьвинских памятников и ранних комплексов атлымской культуры, одного из ярчайших образований конца бронзового века Нижнего Приобья. Думается, что проблема генезиса последней будет решена по мере изучения северных территорий.

Литература

1. Морозов, В.М. Отчет об исследовании памятников в районе д. Низямы в Октябрьском районе и в верховьях р. Эсс в Советском районе в 1985 г. [Текст] / В.М. Морозов // Архив ИА РАН. – Р-1. – № 10713.
2. Морозов, В.М. Отчет об изучении памятников по трассе газопровода «Уренгой-Ужгород» в Октябрьском и Советском районах Тюменской области в 1986 г. [Текст] / В.М. Морозов // Архив ИА РАН. – Р-1. – № 11429.
3. Кокшаров, С.Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конды [Текст] / С.Ф. Кокшаров // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 1991. – Вып. 20. – С. 92–101.
4. Кокшаров, С.Ф. Север Западной Сибири в эпоху раннего металла [Текст] / С.Ф. Кокшаров // Археологическое наследие Югры. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. – С. 41–67.
5. Кокшаров, С.Ф. Культура населения севера Западной Сибири в бронзовом веке [Текст]: автореф. дисс. ... докт. ист. наук / С.Ф. Кокшаров. – Екатеринбург, 2015. – 48 с.
6. Зыков, А.П. Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета / А.П. Зыков, С.Ф. Кокшаров, Л.М. Терехова, Н.В. Федорова. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 160 с.
7. Морозов, В.М. Заря металла [Текст] / В.М. Морозов // Очерки истории Коды. – Екатеринбург: Волот, 1995. – С. 18–27.
8. Глушков, И.Г. Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Прииртышья [Текст] / И.Г. Глушков, Т.М. Захожая. – Сургут: РИЦ СургПИ, 2000. – 201 с.
9. Морозов, В.М. Керамика перегребнинского типа с поселения Низямы 9 [Текст] / В.М. Морозов, Ю.П. Чемякин // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. – Вып. 25. – С. 208–219.
10. Кокшаров, С.Ф. Скульптуры животных бронзового века из таежного Приобья [Текст] / С.Ф. Кокшаров // Археология, антропология и этнография Евразии. – 2014. – № 2 (58). – С. 77–81.
11. Берс, Е.М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей [Текст] / Е.М. Берс. – Свердловск: Свердл. кн. изд-во, 1963. – 116 с.
12. Викторова, В.Д. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды [Текст] / В.Д. Викторова // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Томск. ун-т, 1970. – С. 255–270.
13. Борзунов, В.А. Туманские укрепленные поселения-жилища [Текст] / В.А. Борзунов // Древние поселения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Урал. ун-т, 1984. – С. 90–105.
14. Сладкова, Л.Н. Лозьвинская культура эпохи поздней бронзы таежного Зауралья – Западной Сибири [Текст] / Л.Н. Сладкова // XVII Уральское археологическое совещание: материалы науч. конф. (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007). – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. – С. 164–167.
15. Борзунов, В.А. Генезис и развитие гамаюнской культуры [Текст] / В.А. Борзунов // СА. – 1990. – № 1. – С. 15–33.
16. Кокшаров, С.Ф. Энеолит и бронзовый век бассейна р. Конды [Текст]: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / С.Ф. Кокшаров. – М., 1993. – 23 с.
17. Борзунов, В.А. Поселения и постройки культур эпохи поздней бронзы северной тайги Западной Сибири / В.А. Борзунов, Ю.П. Чемякин // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Книга 1: поселения и жилища. – Томск: Томск. ун-т, 1995. – С. 176–190.
18. Кокшаров, С.Ф. Лозьвинского типа памятники [Текст] / С.Ф. Кокшаров // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: УрО РАН; Екатеринбург, 1998. – С. 312–313.
19. Борзунов, В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура) [Текст] / В.А. Борзунов. – Екатеринбург: изд-во Урал. гос. ун-та, 1992. – 188 с.
20. Борзунов, В.А. Общая характеристика и хронологические рамки периода [Текст] / В.А. Борзунов // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Книга 1: поселения и жилища. – Томск: Том. ун-т, 1995. – С. 138–143.
21. Косарев, М.Ф. Из древней истории Западной Сибири: общая историко-культурная концепция [Текст] / М.Ф. Косарев // Российский этнограф. – М.: ИНИОН РАН, 1993. – Вып. 4. – 283 с.

22. Потемкина, Т.М. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы) [Текст] / Т.М. Потемкина, О.Н. Корочкова, В.И. Стефанов. – М.: ПАИМС, 1995. – 208 с.
23. Кокшаров, С.Ф. Тоболо-Иртышское междуречье в позднем бронзовом веке [Текст] / С.Ф. Кокшаров // Уральский исторический вестник. – 1997. – № 4. – С. 143–146.
24. Захожая, Т.М. Лозьвинская культура таежной зоны Зауралья: основные характеристики [Текст] / Т.М. Захожая // XIV Урал. археол. совещ.: тез. докл., (Челябинск, 21–24 апреля 1999 г.). – Челябинск: Рифей, 1999. – С. 74–76.
25. Чемякин, Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность [Текст] / Ю.П. Чемякин. – Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. – 224 с.
26. Корочкова, О.Н. Сатыга XVI в системе культур эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири [Текст] / О.Н. Корочкова, В.И. Стефанов // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. – Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011. – С. 60–85.
27. Рудковский, С.И. Особенности периода поздней бронзы в бассейне р. Сыня (по материалам поселения Лов-Санг-Хум III) [Текст] / С.И. Рудковский // Вестник Том. гос. ун-та. – 2012. – № 2 (18). – С. 160–165.
28. Матющенко, В.И. Триста лет истории сибирской археологии [Текст] / В.И. Матющенко. – Омск: Омск. ун-т, 2001. – Том. II. – 173 с.
29. Сладкова, Л.Н. Модель культурной стратиграфии поселения Талья (поздний бронзовый век) [Текст] / Л.Н. Сладкова // Экспериментальная археология. Известия лаборатории экспериментальной археологии Тобольского пединститута. – Тобольск: изд-во ТГПИ, 1991. – Вып. 1. – С. 29–33.
30. Чемякин, Ю.П. Лозьвинская керамика (по материалам поселения Ахтымья 1) [Текст] / Ю.П. Чемякин // Игорь Геннадьевич Глушков: сб. науч. ст. – Ханты-Мансийск: Печатный мир, 2012. – Ч. 3. – С. 97–101.
31. Галкин, В.Т. Сузгунско-лозьвинские поселения в Тобольском Прииртышье [Текст] / В.Т. Галкин // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. – Тюмень: Тюм. ун-т, 1989. – С. 129–136.
32. Черных, Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья [Текст] / Е.Н. Черных. – М.: Наука, 1970. – 180 с.
33. Тихонов, Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье [Текст] / Б.Г. Тихонов // МИА. – 1960. – № 90. – С. 5–115.
34. Халиков, А.Х. Приказанская культура [Текст] / А.Х. Халиков // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 139–146.
35. Халиков, А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа [Текст] / А.Х. Халиков. – М.: Наука, 1977. – 262 с.
36. Кузьминых, С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке [Текст] / С.В. Кузьминых. – М.: Наука, 1983. – 257 с.
37. Косарев, М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири [Текст] / М.Ф. Косарев. – М.: Наука, 1981. – 278 с.
38. Кокшаров, С.Ф. Литейная форма долота из Старого Катыша [Текст] / С.Ф. Кокшаров // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 2 (36). – С. 41–45.
39. Матющенко, В.И. Могильник у д. Ростовки вблизи Омска [Текст] / В.И. Матющенко, Г.В. Синицына. – Омск: Томск. ун-т, 1988. – 136 с.
40. Черных, Е.Н. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен) [Текст] / Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых. – М.: Наука, 1989. – 320 с.
41. Черных, Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР [Текст] / Е.Н. Черных // Советская археология. – 1978. – № 4. – С. 53–82.
42. Рындина, Н.В. Энеолит и бронзовый век: учебное пособие [Текст] / Н.В. Рындина, А.Д. Дегтярева. – М.: МГУ, 2002. – 226 с.
43. Агапов, С.А. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики [Текст] / С.А. Агапов, А.Д. Дегтярева, С.В. Кузьминых // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 3 (3). – С. 44–59.

44. Грушин, С.П. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века: монография [Текст] / С.П. Грушин, Д.В. Папин, О.А. Позднякова, Е.А. Тюрина, А.С. Федорук, С.В. Хаврин. – Барнаул: Алт. ун-т, 2009. – 160 с.
45. Черных, Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии [Текст] / Е.Н. Черных // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Башк. ун-т, 1983. – С. 81–99.
46. Черных, Е.Н. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур [Текст] / Е.Н. Черных. – М: Рук. коп. памятники Древ. Руси, 2009. – 624 с.
47. Черных, Е.Н. Феномен Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции [Текст] / Е.Н. Черных // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: к 70-летию акад. А.П. Деревянко. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 386–400.
48. Черных, Е.Н. Евразийская металлургическая провинция / Е.Н. Черных, С.А. Агапов, С.В. Кузьминых // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытно-общинного строя (информационные материалы). – Свердловск: УрО АН СССР, 1989. – С. 5–10.
49. Матвеев, А.В. Зауралье после андроновцев: бархатовская культура [Текст] / А.В. Матвеев, О.М. Оношко. – Тюмень: Тюменский дом печати, 2009. – 416 с.
50. Корочкова, О.Н. Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Иртыше: факторы, механизмы, динамика [Текст]: автореф. дис. ... докт. ист. наук / О.Н. Корочкова. – М., 2011. – 38 с.
51. Корочкова, О.Н. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртыша (по материалам работ УАЭ) [Текст] / О.Н. Корочкова, В.И. Стефанов, Н.К. Стефанова // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 1991. – Вып. 20. – С. 70–92.
52. Галкин, В.Т. Этапы миграции населения Нижнего Приобья в эпоху поздней бронзы [Текст] / В.Т. Галкин // Смены культур и миграции в Западной Сибири. – Томск: Томск. ун-т, 1987. – С. 27–29.
53. Глушков, И.Г. Поселение Лучкино I – памятник поздней бронзы низовий Иртыша [Текст] / И.Г. Глушков // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. – Тюмень: изд-во Тюм. гос. ун-та, 1991. – С. 93–103.
54. Елькина, М.В. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье [Текст] / М.В. Елькина // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. – Свердловск: Урал. ун-т, 1977. – С. 104–118.
55. Чемякин, Ю.П. Поселение начала I тысячелетия до н.э. на Барсовой горе [Текст] / Ю.П. Чемякин, С.Ф. Кокшаров // Древние поселения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Урал. ун-т, 1984. – С. 115–130.
56. Троицкая, Т.Н. Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири [Текст] / Т.Н. Троицкая // Западная Сибирь в древности и средневековье. – Тюмень: изд-во Тюм. гос. ун-та, 1985. – С. 54–69.
57. Матвеев, А.В. Новый памятник переходного периода от бронзового века к железнному в Сургутском Приобье [Текст] / А.В. Матвеев, Н.П. Матвеева // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. – Тюмень: изд-во. Тюм. гос. ун-та, 1995. – С. 53–63.
58. Беспрозванный, Е.М. Могильник Неушья 1.2 – источник по истории Кондинского края [Текст] / Е.М. Беспрозванный, О.Е. Козеко // Барсова Гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. – С. 239–261.
59. Чемякин, Ю.П. Новое поселение барсовской культуры (предварительное сообщение) [Текст] / Ю.П. Чемякин, С.Ф. Кокшаров // Жилища народов Западной Сибири. – Томск: Том. ун-т, 1991. – С. 106–114.
60. Рудковский, С.И. Север Нижнего Приобья в период поздней бронзы [Текст] / С.И. Рудковский // III Северный археологический конгресс: тез. докл. (Ханты-Мансийск, 8–13 ноября 2010 г.) – Екатеринбург: ИздатНаукаСервис, 2010. – С. 135–136.
61. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа: информ. справ. «Наследие». – Екатеринбург: [б.и.], 2011. – 128 с.
62. Лашук, Л.П. Север Западной Сибири в эпоху бронзы [Текст] / Л.П. Лашук, Л.П. Хлобыстин // Краткие сообщения Института археологии. – 1986. – Вып. 185. – С. 43–50.

63. Стоколос, В.С. Энеолит и бронзовый век Северного Приуралья [Текст]: автореф. дис. ... докт. ист. наук / В.С. Стоколос. – М., 1992. – 40 с.
64. Стоколос, В.С. Вопросы этногенеза Северного Приуралья в энеолите и бронзовом веке [Текст] / В.С. Стоколос // Древности Ямала. – Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2000. – Вып. 1. – С. 6–24.
65. Кокшаров, С.Ф. Памятник атлымской культуры на реке Ендырь [Текст] / С.Ф. Кокшаров // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 3 (31). – С. 53–62.
66. Рудковский, С.И. Региональные и хронологические особенности керамических комплексов атлымской культуры [Текст] / С.И. Рудковский // Вестник Том. гос. ун-та. – 2013. – № 3 (23). – С. 266–270.
67. Романовская, М.А. Керамический штамп из окрестностей с. Рудь [Текст] / М.А. Романовская // Советская археология. – 1980. – № 1. – С. 290–293.
68. Масимов, И.С. Новые находки печатей эпохи бронзы с низовий Мургаба [Текст] / И.С. Масимов // Советская археология. – 1981. – № 2. – С. 132–150.
69. Зах, В.А. Развитие общности культур с гребенчато-ямочной керамикой [Текст] / В.А. Зах // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2004. – № 5. – С. 4–12.

References

1. Morozov, V.M. *Otchet ob issledovanii pamyatnikov v raione derevni Nizyamy v Oktyabr'skom raione i v verkhovnykh reki Ess v 1985 godu* [Report about the research of the sites near village Nizyamy in Oktyabrsky district and in the upper Ess River in 1985]. *Arkhir Instituta Arkheologii Rossiiskoi akademii nauk* [Archives of the Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences]. Inv. 1. S. 10713.
2. Morozov, V.M. *Otchet ob izuchenii pamyatnikov po trasse gazoprovoda "Urengoi-Uzhgorod" v Oktyabr'skom i Sovetskom raionakh Tyumenskoi oblasti v 1986 godu. T. 1.* [Report about the research of the sites along the gas pipeline "Urengoi-Uzhgorod" in Oktyabrsky and Sovetsky districts of Tyumen Oblast in 1986]. *Arkhir Instituta Arkheologii Rossiiskoi akademii nauk* [Archives of the Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences]. Inv. 1. S. 11429.
3. Koksharov, S.F. *Khronologiya pamyatnikov bronzovogo veka r. Kondy* [Chronology of the Bronze Age sites in the Konda River Basin]. *Voprosy arkheologii Urala* [Issues of Ural archaeology]. Ekaterinburg: Ural'skii universitet Publ., 1991, pp. 92–101.
4. Koksharov, S.F. *Sever Zapadnoi Sibiri v epokhu rannego metalla* [The North of Western Siberia in the epoch of Paleometal]. *Arkheologicheskoe nasledie Yugry* [Archaeological heritage of Yurga]. Ekaterinburg: Charoid Publ., 2006, pp. 41–67.
5. Koksharov, S.F. *Kul'tura naseleniya severa Zapadnoi Sibiri v bronzovom veke: avtoref. diss. dokt. ist. nauk* [Culture of the populations of the North of Western Siberia in the Bronze Age]. Ekaterinburg, 2015. 48 p.
6. Zykov A.P., Koksharov, S.F., Terekhova, L.M., Fedorova, N.V. *Ugorskoe nasledie: drevnosti Zapadnoi Sibiri iz sobraniy Ural'skogo universiteta* [Ugrian heritage: West-Siberian antiquities from the collection of Ural University]. Ekaterinburg: Vneshtorgizdat Publ., 1994. 160 p. (in Russian/English).
7. Morozov, V.M. *Zarya metalla* [At the beginning of the Early Metal]. *Ocherki istorii Kody* [The essays of the Koda history]. Ekaterinburg: Volot Publ., 1995, pp. 18–27.
8. Glushkov, I.G., Zakhozhaia, T.M. *Keramika pozdnego bronzovogo veka Nizhnego Priirtysh'ya* [Pottery of the Late Bronze Age of the Low Irtysh region]. Surgut: Surgutskii universitet Publ., 2000. 201 p.
9. Morozov, V.M., Chemyakin, Yu.P. *Keramika peregrebninskogo tipa s poseleniya Nizyamy 9* [The Peregrebnoe type ceramics from the settlement Nizyamy 9]. *Voprosy arkheologii Urala* [Issues of Ural archaeology]. Ekaterinburg; Surgut: Magellan Publ., 2008, no. 25, pp. 208–218.
10. Koksharov, S.F. *Skul'ptury zhivotnykh bronzovogo veka iz taezhnogo Priob'ya* [Bronze Age animal sculptures from the taiga zone of the Ob region]. *Archeologiya, antropologiya and etnografiya Evrazii* [Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia], 2014, no. 2(58), pp. 77–81.
11. Bers, E.M. *Arkheologicheskie pamyatniki Sverdlovskaya i ego okrestnostei* [Archaeological sites of Sverdlovsk city and its surroundings]. Sverdlovsk: Sverdlovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1963. 116 p.
12. Viktorova, V.D. *Etapy razvitiya figurno-shtampovannoi ornamentatsii na sosudakh pamyatnikov basseina reki Tavdy* [Stages of development of the figured-stamped ornamentation on the vessels from the Tavda

River Basin]. *Problemy khronologii i kul'turnoi prinadlezhnosti arkheologicheskikh pamyatnikov Zapadnoi Sibiri* [Problems of chronology and the cultural identity of the archaeological sites of Western Siberia]. Tomsk: Tomskii universitet Publ., 1970, pp. 255–270.

13. Borzunov, V.A. *Tumanskie ukreplennye poseleniya-zhilishcha* [Tumansk fortified settlements-dwellings]. *Drevnie poseleniya Urala i Zapadnoi Sibiri* [Ancient settlements of the Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk: Ural'skii universitet Publ., 1984, pp. 90–105.

14. Sladkova, L.N. *Loz'vinskaya kul'tura epokhi pozdnei bronzy taezhnogo Zaural'ya – Zapadnoi Sibiri* [Lozva culture of the Late Bronze Age in the Trans-Urals and Western Siberia]. *XVII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: materialy nauchnoi konferentsii, Ekaterinburg, 19–22 noyabrya 2007 g.* [XVII Ural Archaeological Meeting: materials of the scientific conference, Ekaterinburg, 19–22 November, 2007]. Ekaterinburg; Surgut: Magellan Publ., 2007, pp. 164–167 (in Russian).

15. Borzunov, V.A. *Genезis i razvitie gamayunskoi kul'tury* [Genesis and evolution of the Gamayun culture]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1990, no. 1, pp. 15–33.

16. Koksharov, S.F. *Eneolit i bronzovyi vek basseina r. Konda: avtoref. diss. kand. ist. nauk* [The Eneolithic and the Bronze Age of the Konda River Basin]. Moscow, 1993. 23 p.

17. Borzunov, V.A., Chemyakin, Yu.P. *Poseleniya i postroiки kul'tur epokhi pozdnei bronzy severnoi taiga Zapadnoi Sibiri* [Settlements and dwellings of the Late Bronze Age cultures in the North taiga of West Siberia]. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoi Sibiri. Kniga 1: Poseleniya i zhilishcha* [Essays on the cultural genesis of the peoples of Western Siberia. Book 1: Settlements and dwellings]. Tomsk: Tomskii universitet Publ., 1995, pp. 176–190.

18. Koksharov, S.F. *Loz'vinskogo tipa pamyatniki* [The Lozva type sites]. *Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya* [Historical encyclopedia of the Urals]. Ekaterinburg: Ural'skoe otделение RAN Publ., 1998, pp. 312–313.

19. Borzunov, V.A. *Zaural'e na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov (gamayunskaya kul'tura)* [Trans-Ural region at the turn of the Bronze and Iron Ages (Gamayun culture)]. Ekaterinburg: Ural'skii universitet Publ., 1992. 188 p.

20. Borzunov, V.A. *Obshchaya kharakteristika i khronologicheskie ramki perioda* [Common characteristics and chronological frames of the period]. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoi Sibiri. Kniga 1: Poseleniya i zhilishcha* [Essays on the cultural genesis of the peoples of Western Siberia. Book 1: Settlements and dwelling]. Tomsk: Tomskii universitet Publ., 1995, pp. 138–143.

21. Kosarev, M.F. *Iz drevnei istorii Zapadnoi Sibiri: obshchaya istoriko-kul'turnaya kontseptsiya* [From early history of Western Siberia: common historical-cultural conception]. *Rossiiskii jetnograf* [Russian Ethnographer]. Moscow: INION RAN Publ., 1993, vol. 4. 283 p.

22. Potemkina, T.M., Korochkova, O.N., Stefanov, V.I. *Lesnoe Tobolo-Irtysh'e v kontse epochi bronzy (po materialam Chudskoy Gory)* [Forest Tobol-Irtysh area in the Late Bronze Age (on the materials of the Chudskaya Gora)]. Moscow: PAIMS Publ., 1995. 208 p.

23. Koksharov, S.F. *Tobolo-Irtyshskoe mezhdurech'e v pozdnem bronzovom veke* [Tobol-Irtysh area in the Late Bronze Age]. *Ural'ski istoricheskii vestnik* [Ural historical bulletin], 1997, no. 4, pp. 143–146.

24. Zakhzhaya, T.M. *Loz'vinskaya kul'tura taezhnogo zony Zaural'ya: osnovnye kharakteristiki* [Lozva culture of the Forest zone of the Trans-Urals region: base descriptions]. *XIV Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: tezisy dokladov* [XIV Ural Archaeological Meeting: abstracts of papers, Ekaterinburg, 21–24 April, 1999]. Chelyabinsk: Rifey Publ., 1999, pp. 74–76 (in Russian).

25. Chemyakin, Yu.P. *Barsova Gora: oferki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Drevnost'* [Barsova Gora: essays of archaeology of the Surgut Ob region. Antiquity]. Surgut; Omsk: Omskii dom pečhati Publ., 2008. 224 p.

26. Korochkova, O.N., Stefanov, V.I. *Satyga XVI v sisteme kul'tur epokhi bronzy Zaural'ya i Zapadnoi Sibiri* [Satyga XVI in the system of the Bronze Age Cultures of the Transurals and Western Siberia]. *Satyga XVI: seyminsko-turbinskiy mogil'nik v taezhnoi zone Zapadnoi Sibiri* [Satyga XVI: The Seima-Turbino burial site in the taiga zone of Western Siberia]. Ekaterinburg: Ural'skii Rabochii Publ., 2011, pp. 60–85.

27. Rudkovsky, S.I. *Osobennosti perioda pozdnei bronzy v basseine r. Synya (po materialam poseleniya Lov-Sang-Hum III)* [Specific features of the Late Bronze Age in the Synya River Basin (on the materials of Lov-Sang-Hum III settlement)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History], 2012, no. 2(18), pp. 160–165.

28. Matyushchenko, V.I. *300 let sibirskoi arkheologii* [300 years of the Siberian archaeology]. Omsk: Omskii universitet Publ., 2001, vol. II. 173 p.
29. Sladkova, L.N. *Model' kul'turnoi stratigrafii poseleniya Tal'ya (pozdnii bronzovyi vek)* [The model of cultural stratigraphy of the Talya settlement (the Late Bronze Age)]. *Eksperimental'naya archeologiya: izvestiya laboratorii eksperimental'noi archeologii Tobol'skogo pedagogicheskogo instituta* [Experimental archaeology: news of the laboratory of experimental archaeology of Tobolsk Pedagogical Institute]. Tobolsk: Tobol'skii pedagogicheskii institute Publ., 1991, no. 1, pp. 29–33.
30. Chemyakin, Yu.P. *Loz'vinskaya keramika (po materialam poseleniya Akhtym'ya 1)* [The Lozva type ceramics (on the materials of the Akhtymya 1 settlement)]. *Igor' Gennad'evich Glushkov: sb. nauch. st.* [Igor G. Glushkov: collection of papers]. Khanty-Mansiysk: Pechatnyi mir g. Khanty-Mansiysk Publ., 2012, no. 3, pp. 97–101.
31. Galkin, V.T. *Suzgunsko-loz'vinskie poseleniya v Tobol'skom Priirtysh'e* [Susgun-Lozva settlements in the Tobol-Irtysh region]. *Zapadnosibirskaya lesostep' na rubeze bronzovogo i zheleznogo vekov* [West-Siberian forest-steppe at the turn of the Bronze and Iron Ages]. Tyumen: Tyumenskii universitet Publ., 1989, pp. 129–136.
32. Chernykh, E.N. *Drevneyshaya metallurgiya Urala i Polozh'ya* [Ancient metallurgy of the Urals and the Volga River Basin]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on the archeology of the USSR], 1970, no. 172. 180 p.
33. Tikhonov, B.G. *Metallicheskie izdeliya epokhi bronzy na Srednem Urale i v Povolzh'e* [Metallic production of the Bronze Age in the Middle Ural and the Volga region]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on the archeology of the USSR], 1960, no. 90, pp. 5–115.
34. Khalikov, A.Kh. *Prikazanskaya kul'tura* [Prikazan culture]. *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR* [The Bronze Age of the forest zone of the USSR]. Moscow: Nauka Publ., 1987, 139–146.
35. Khalikov, A.Kh. *Volgo-Kam'e v nachale rannego zheleznogo veka* [Volga-Kama area at the beginning of the Early Iron Age]. Moscow: Nauka Publ., 1977. 262 p.
36. Kuzminykh, S.V. *Metallurgiya Volgo-Kam'ya v rannem zheleznom veke* [Metallurgy of the Volga-Kama area in the Early Iron Age]. Moscow: Nauka Publ., 1983. 257 p.
37. Kosarev, M.F. *Bronzovyi vek Zapadnoi Sibiri* [The Bronze Age of Western Siberia]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 278 p.
38. Koksharov, S.F. *Liteinaya forma dolota iz Starogo Katysha* [Mould form of a chisel from Stary Katysh settlement]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography], 2014, no. 2(36), pp. 41–45.
39. Matyushchenko, V.I., Sinitsyna, G.V. *Mogil'nik u derevni Rostovka vblizi Omska* [The burial of the village Rostovka near the Omsk city]. Omsk: Tomskii universitet Publ., 1988. 136 p.
40. Chernykh, E.N., Kuzminykh, S.V. *Drevnyaya metallurgiya Severnoi Evrazii (seiminsko-turbinskii fenomen)* [Ancient metallurgy of the Northern Eurasia (Seima-Turbino phenomenon)]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 320 p.
41. Chernykh, E.N. *Metallurgicheskie provintsii i periodizatsiya epochi rannego metalla na territorii SSSR* [Metallurgical provinces and periodization of the Early Metal Age in the USSR]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology], 1978, no. 4, pp. 53–82.
42. Ryndina, N.V., Degtyareva, A.D. *Eneolit i bronzovyi vek: uchebnoe posobie* [The Eneolithic and the Bronze Age: textbook]. Moscow: Moskovskii universitet Publ., 2002. 226 p.
43. Agapov, S.A., Degtyareva, A.D., Kuzminykh, S.V. *Metalloproizvodstvo v vostochnoi zone obshchnosti kul'tur valikovo keramiki* [Metallurgy in the East zone of the cultures' community of the roller ceramics]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography], 2012, no. 3(3), pp. 44–59.
44. Grushin, S.P., Papin, D.V., Pozdnyakova, O.V., Tyurina, E.A., Fedoruk, A.C., Khavrin, C.V. *Altai v sisteme metallurgicheskikh provintsii eneolita i bronzovogo veka* [Altai in the system of the metallurgical provinces of the Eneolithic and the Bronze Age]. Barnaul: Altayskii universitet Publ., 2009. 160 p.
45. Chernykh, E.N. *Problema obshchnosti kul'tur valikovo keramiki v stepyakh Evrazii* [The problem of the cultures' community of the roller ceramics in the Eurasian steppe]. *Bronzovyi vek stepnoi polosy Volgo-Ural'skogo mezhdurech'ya* [The Bronze Age of the steppe zone of the Ural-Irtysh area]. Chelyabinsk: Bashkirskii universitet Publ., 1983, pp. 81–99.

46. Chernykh, E.N. *Stepnoj pojas Evrazii: Fenomen kochevykh kul'tur* [The steppe zone of Eurasia: Phenomenon of the nomadic cultures]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Rusi Publ., 2009. 624 p.
47. Chernykh, E.N. *Fenomen Zapadnoaziatskoy (Evraziyskoy) metallurgicheskoy provintsii* [The phenomenon of Western Asian (Eurasian) metallurgical province]. *Fundamental'nye problemy arkheologii, antropologii i etnografii Evrazii: K 70-letiyu akademika A.P. Derevyanko* [Fundamental issues of archaeology, anthropology and ethnography of Eurasia: To the 70th Anniversary of Academician A.P. Derevyanko]. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2013, pp. 386–400.
48. Chernykh, E.N., Agapov, S.A., Kuzminykh, S.V. *Evraziyskaya metallurgicheskaya provintsiya* [Eurasian metallurgical province]. *Tekhnicheskij i social'nyj progress v jepohu pervobytno-obshhinnogo stroja (informacionnye materialy)* [Technical and social progress in the epoch of the primitive communal system (informational materials)]. Sverdlovsk: Ural'skoe otdelenie AN SSSR Publ., 1989, pp. 5–10.
49. Matveev, A.V., Onoshko, O.M. *Zaural'e posle andronovtsev: barkhatovskaya kul'tura* [The Trans-Ural region after the Andronovo culture period: Barkhatovo culture]. Tyumen: Tyumenskii dom pečati Publ., 2009. 416 p.
50. Korochkova, O.N. *Vzaimodeystvie kul'tur v epokhu bronzy v Srednem Zaural'e i podtaezhnom Tobolo-Irtysh'e: faktory, mekhanizmy, dinamika: avtoreferat diss. ... dokt. ist. nauk* [Interaction of Bronze Age cultures in the Middle Transurals and the sub-taiga zone of the Tobol-Irtysh Basin]. Moscow, 2011. 38 p.
51. Korochkova, O.N., Stefanov, V.I., Stefanova, N.K. *Kul'tury bronzovogo veka predtaezhnogo Tobolo-Irtysh'ya (po materialam rabot UAE)* [The Bronze Age cultures of the Tobol-Irtysh area (on the materials of field researches of the Urals Archaeological Expedition)]. *Voprosy arkheologii Urala* [Issues of Ural archaeology]. Ekaterinburg: Ural'skii universitet, 1991, no. 20, pp. 70–92.
52. Galkin, V.T. *Etapy migratsii naseleniya Nizhnego Pritobol'ya v epokhu pozdnei bronzy* [Stages of migration of the Low Tobol area population in the Late Bronze Age]. *Smeny kul'tur i migratsii v Zapadnoi Sibiri* [Change of cultures and migrations in Western Siberia]. Tomsk: Tomskii universitet Publ., 1987, pp. 27–29.
53. Glushkov, I.G. *Poselenie Luchkino I – pamyatnik pozdnei bronzy nizoviy Irtysha* [The Luchkino I settlement – the Late Bronze Age site of the Low Irtysh River]. *Istochniki po etnokul'turnoi istorii Zapadnoi Sibiri* [Sources on the ethnic-cultural history of Western Siberia]. Tyumen: Tyumenskii universitet Publ., 1991, pp. 93–103.
54. Elkina, M.V. *Poseleniya rannego zheleznoogo veka v Surgutskom Priob'e* [The Early Iron Age settlements in the Surgut Ob Basin]. *Arkheologicheskie issledovaniya na Urale i v Zapadnoi Sibiri* [Archaeological research in the Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk: Ural'skii universitet Publ., 1977, pp. 104–118.
55. Chemyakin, Yu.P., Koksharov S.F. *Poselenie nachala pervogo tysyacheletiya do n.e. na Barsovoi Gore* [The settlement of the beginning of the First Millennium BC at the Barsova Gora]. *Drevnie poseleniya Urala i Zapadnoi Sibiri* [Ancient settlements of the Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk: Ural'skii universitet Publ., 1984, pp. 115–130.
56. Troitskaya, T.N. *Zav'yalovskaya kul'tura i ee mesto sredi lesostepnykh kul'tur Zapadnoi Sibiri* [Zav'yalovo culture and its place among forest-steppe cultures of Western Siberia]. *The Zapadnaya Sibir' v drevnosti i srednie veka* [Western Siberia in the ancient times and in the Middle Ages]. Tyumen: Tyumenskii universitet Publ., 1991, pp. 54–69.
57. Matveev, A.V., Matveeva, N.P. *Novyi pamyatnik perekhodnogo perioda ot bronzovogo veka k zheleznomu v Surgutskom Priob'e* [New site in the transitional period from the Bronze to the Iron Age in the Surgut Ob Basin]. *Drevnyia i sovremennaya kul'tura narodov Zapadnoi Sibiri* [Ancient and modern culture of the people of Western Siberia]. Tyumen: Tyumenskii universitet Publ., 1995, pp. 53–63.
58. Besprozvaniy, E.M., Kozeko, O.E. *Neush'ya 1.2 – istochnik po istorii Kondinskogo kraia* [Neushya 1.2 – the source on history of the Konda Krai]. *Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ya* [Barsova gora: the antiques of the taiga Ob region]. Surgut: Ural'skoe izdatel'stvo Publ., 2008, pp. 239–261.
59. Chemyakin, Yu.P., Koksharov, S.F. *Novoe poselenie barsovskoi kul'tury (predvaritel'noe soobshchenie)* [New settlement of the Barsovo Culture (preliminary report)]. *Zhilitsha narodov Zapadnoi Sibiri* [Dwellings of the West-Siberian population]. Tomsk: Tomskii universitet Publ., 1991, pp. 106–114.
60. Rudkovskiy, S.I. *Sever Nizhnego Priobya v period pozdnei bronzy* [The North of the Lower Ob region in the Late Bronze Age]. *III Severnyi arkheologicheskii congress: tezisy dokladov (Hanty-Mansijsk, 8–13 nojabrja)*

2010 g.) [III Northern archaeological congress: abstracts of papers (Khanty-Mansiysk, 8–13 November, 2010). Ekaterinburg: IzdatNaukaServis Publ., 2010, pp. 135–136 (in Russian).

61. Karta arkheologicheskikh pamyatnikov Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga: inform. sprav. «Nasledie» [The map of the archaeological sites of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug: information guide «Nasledie=Heritage»]. Ekaterinburg: [w/p], 2011. 128 p.

62. Lashuk, L.P., Khlobystin, L.P. *Sever Zapadnoi Sibiri v bronzovom veke* [The North of Western Siberia in the Bronze Age]. *Kratkie soobtscheniya instituta arkheologii* [Brief reports of the Institute of Archaeology], 1986, no. 185, pp. 43–50.

63. Stokolos, V.S. *Eneolit i bronzovyi vek severnogo Priural'ya* [The Eneolithic and the Bronze Age of the Urals]. Moscow, 1992. 40 p.

64. Stokolos, V.S. *Voprosy etnogeneza Severnogo Priural'ya v eneolite i bronzovom veke* [Issues of the ethnic genesis of the North Urals in the Eneolithic and the Bronze Age]. *Drevnosti Yamala* [Antiquities of Yamal]. Ekaterinburg: Ural'skoe otdelenie RAN Publ., 2000, no. 1, pp. 6–24.

65. Koksharov, S.F. *Pamjatnik atlymskoj kul'tury na reke Endyr'* [The site of the Atlym culture on the Endyr River Basin]. *Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii* [Archaeology, anthropology and ethnography of Eurasia], 2007, no. 3(31), pp. 53–62 (in English).

66. Rudkovskiy, S.I. *Regional'nye i khronologicheskie osobennosti keramicheskikh kompleksov atlymskoi kul'tury* [Regional and chronological features of the Atlym culture ceramic complexes]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* [Bulletin of Tomsk State University. History], 2013, no. 3(23), pp. 266–270.

67. Romanovskaya, M.A. *Keramicheskij shtamp iz okrestnostei s. Rud'* [The pottery stamp from the Rud settlement]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1980, no. 1, pp. 290–293.

68. Masimov, I.S. *Novye nachodki pechatei bronzovogo veka iz nizovii Murgaba* [New finds of the stamps of the Bronze Age in the lower reaches of the Murgab River]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1981, no. 2, pp. 132–150.

69. Zakh, V.A. *Razvitie obtschnjsti kul'tur s grebenchato-yamochnoi keramikoi* [Development of the cultural community with comb-pit-stamped ceramic]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnology], 2004, no. 5, pp. 4–12.